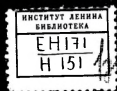
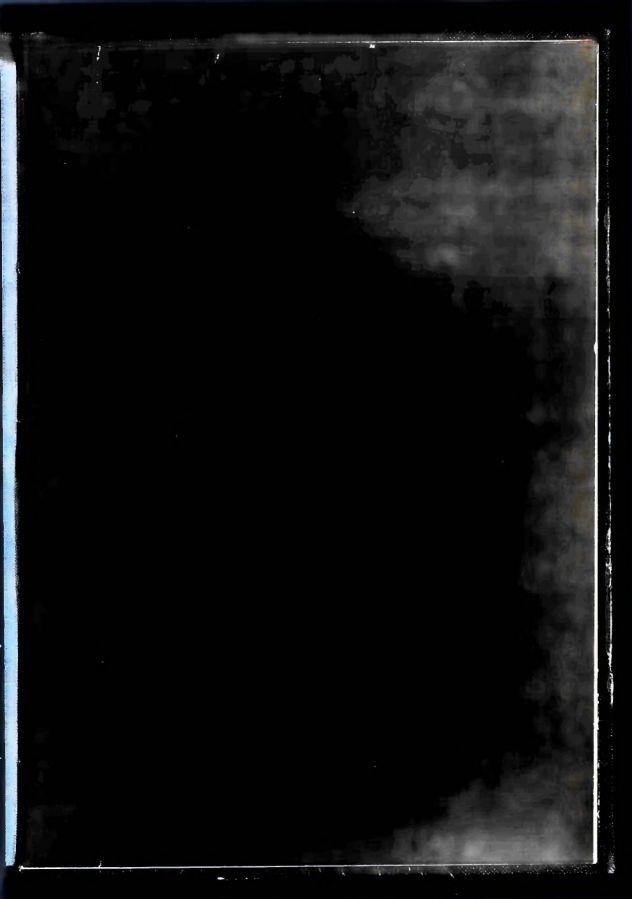
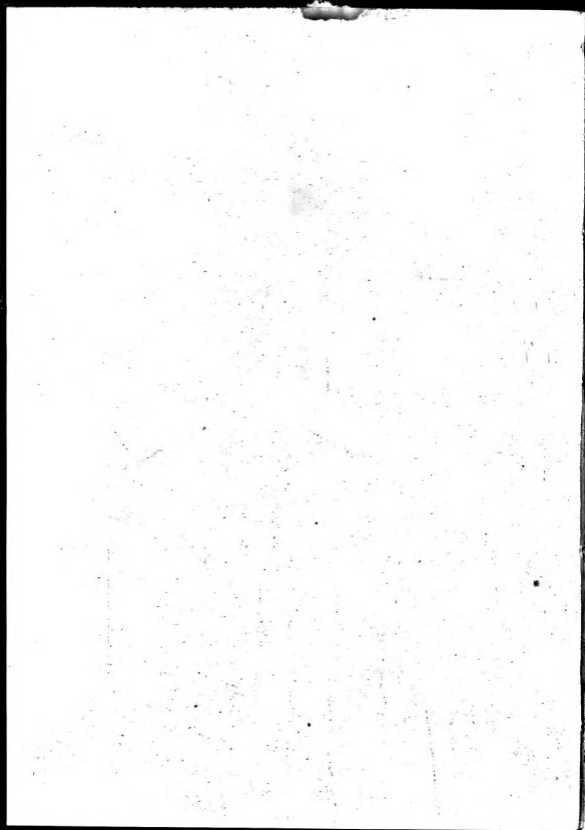

УЧЕБНИК
НА
ФРОНТАХ

Л. ТРОЦКИЙ

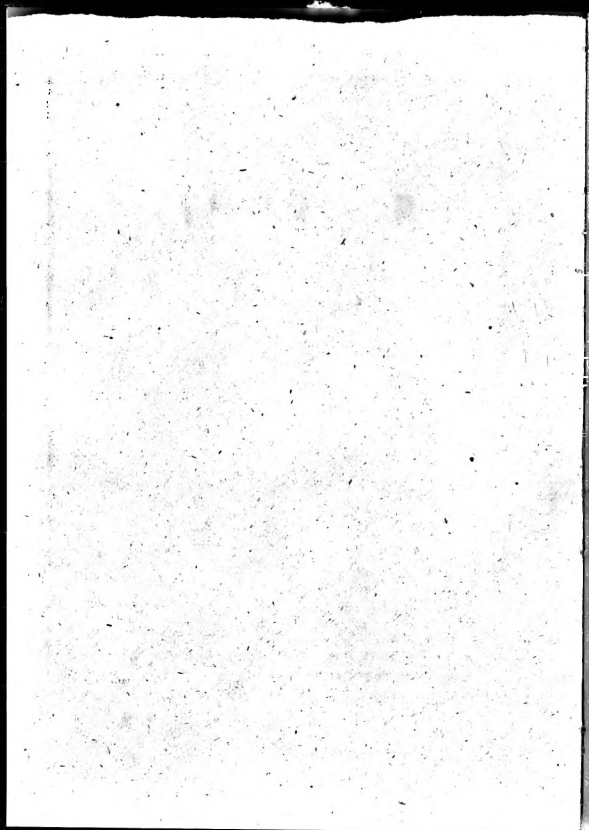
НА ФРОНТАХ

ЕНММ
Н 151

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ МИР»

МОСКВА

1919

Л. ТРОЦКИЙ

ЕМ 171

Н 151

~~Х~~

НА ФРОНТАХ

(Доклад, прочитанный т. ТРОЦКИМ
в Москве 24-го февраля 1919 года).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „СОВЕТСКИЙ МИР“

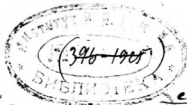
МОСКВА—1919.

1-202

Е.

УЛТИС

EH171
HISI

ср
12/05

~~396~~ е 1.
36

1062864

Москва, 3-я Государственная типография, Мамоновский, 12.

Прежде всего, мое искреннее извинение за запоздание, виновник которого пока не установлен. Есть мнение, будто бы виновником являюсь я. Но я позволяю себе не соглашаться, думаю, что виновником является кто-то другой. Мы это по чистой совести установим... Аккуратность—великое дело, а особенно в области военной, и нет никакого сомнения, что главная наша беда, основной порок, можно сказать, состоит в неаккуратности, в непривычке к тому, чтобы точно и своевременно выполнять приказ, в неуважительном отношении ко времени. А время есть величайшее условие. В военных действиях выигрыш дня, часа, пяти минут может иногда иметь решающее значение в борьбе. Сейчас наше общественное и, в частности, военное воспитание должно состоять в выработке привычки к точному выполнению всего, что каждому выполнять надлежит. Еще раз повторяю свое сожаление по поводу злоупотребления, учиненного над вашим временем, столь необходимым для занятий, и перехожу к вопросу по существу.

Товарищи, вчера мы чествованием отметили годовщину создания нашей рабоче-крестьянской красной армии и вчера же на курсах в здании бывшего Алексеевского военного училища мне пришлось говорить о том, что мы, в общем и целом, имеем полное право с нравственным удовлетворением оглянуться назад, на эти протекшие 12 месяцев нашей совместной, общей работы по строительству красной армии.

Разные народы в разные эпохи бывали, товарищи, в трудном положении, но я не думаю, чтобы историк мог найти другой пример, когда бы великий народ находился в таком ужасающем положении, международном и внутреннем, в каком оказался русский народ на исходе империалистической бойни.

Крушение нашей старой армии было неизбежно. Люди старо-полицейского склада могли думать, будто „агитаторы“ погубили старую армию. На самом же деле аги-

таторы только переводили на слова то, что совершилось и без агитаторов на деле: раз революция произошла, раз крестьяне восстали против помещиков и чиновников, рабочие восстали против капиталистов и банкиров, то тот же самый рабочий и крестьянин, в виде солдата, должен был восстать против того же дворянина или буржуазного сына, стоявшего перед ним в лице старого офицера. Эти три процесса были тесно связаны один с другим. Раз же произошло возмущение солдатской массы против старого командного состава, созданного старой монархией и служившего ей—одни за страх, другие за совесть, — раз это восстание произошло, то армия должна была неизбежно развалиться. Что тут дело было не в случайных причинах, это мы с вами теперь видим на примере других стран, на примере Германии, Австро-Венгрии, где развал старой армии происходит, или вернее произошел, так же, как произошел в свое время у нас, и от армии, несравненно более могучей, чем была наша старая царская армия, в Германии и Австро-Венгрии—не осталось и следа. Смотрите: теперь Пруссия, самая милитаризованная, наилучше вооруженная и дисциплинированная страна, не может выбросить несколько полков для того, чтобы охранять свою восточную границу от наступления польских легионов.

Стало быть, процесс развала старой армии, построенной старыми господствующими классами, один и тот же во всех странах. Это позволяет нам сделать и твердо закрепить в своей памяти два вывода. Во-первых, тот, что наша старая армия, как и австро-венгерская, как и германская, распалась не по случайным причинам, а в силу глубоких внутренних причин, и что развал ее был неотвратим: порвалась великая цепь, связывавшая связью рабства угнетенный класс с эксплуататорами, порвалась великая цепь и распалась старая армия. Тут возврата нет. Это—первый вывод. Второй, который имеет столь же огромное значение, состоит том, что после развала нашей старой русской армии, после развала австро-венгерской и германской, *предстоит с такой же неизбежностью развал армий Италии, Франции, Великобритании, Америки*—всех вообще армий империализма, т.е. армий, построенных монархами или республиканскими буржуа в разных странах путем закабаления и подчинения своего народа для захвата и грабежа других народов. Этот вывод не есть фраза, которую иной раз случайно бросают на митингах, это не есть просто агитационный лозунг, а исторически-научный вывод, который раньше был предсказан, в самом начале войны, и который

теперь подтвердился опытом России, опытом Германии, Австро-Венгрии и завтра найдет свое неизбежное подтверждение на опыте Франции, Англии и других буржуазных стран. Уверенность в этом окрыляет наш дух в нынешней борьбе с империализмом стран Согласия: история не допустит, — империализм не с'ест.

Старая армия развалилась у нас в условиях, когда жизнь нашей страны была потрясена до самых глубочайших своих экономических основ. Наша земледельческая страна, как известно, далеко не исчерпала своих сельско-хозяйственных ресурсов, но ее железнодорожная сеть, весь аппарат ее транспорта и торгово-промышленной связи оказались разрушенным, и страна, таким образом, расчленена. У нас есть области, несказанно богатые продовольствием, и области, которые не выходят из мук и судорог голода. Продовольственная разруха, конечно, неблагоприятное условие для создания армии. Но это не все еще. После распада старой армии осталась жестокая ненависть к военщине. Старая армия, которая принесла невероятно тяжкие жертвы, знала только поражения, унижения, отступления, миллионы убитых и миллионы калек, миллиарды израсходованных сумм. Немудрено, если эта война оставила в народном сознании страшное отвращение к милитаризму, к военщине. И в этих условиях, товарищи, мы начали создавать армию. Если бы нам пришлось строить на свежей почве, тогда было бы больше с самого начала надежды и возможностей. Но нет, армию пришлось строить на почве, которая была покрыта грязью и кровью старой войны, на почве нужды и истощения, в обстановке, когда ненависть к войне и военщине охватывала миллионы и миллионы рабочих и крестьян. Вот почему очень многие, не только враги, но и друзья, говорили тогда, что опыт создания армии в ближайшие годы у нас в России не даст никаких результатов. Мы отвечали тогда: „Сомнениям места быть не может; ведь ни Германия, ни Франция, ни Англия не будут ждать десятилетий, стало быть, кто говорит, что русский народ не создаст для себя в ближайшие месяцы армию, тот тем самым говорит, что история ставит крест на русском народе и что его труп будет расклеван на части коршунами западно-европейского империализма“.

Разумеется, советская власть и та партия, которая стоит у власти, коммунистическая партия, не могла так смотреть на вопрос, что из этих усилий ничего не выйдет. Нет, мы не сомневались, что армия будет создана, как только она получит *новую идею, новую нравственную основу*. В этом, товарищи, вся суть.

Разаумеется, армия представляет собою материальную организацию, сложенную до известной степени по своим внутренним законам и вооруженную теми орудиями техники, какие дает состояние общей промышленности, и в частности, состояние военно-технической науки. Но видеть в армии только упражняющихся, маневрирующих, сражающихся людей, т.-е. их тела, видеть только винтовки, пулеметы и орудия, значит, армии не видеть, ибо все это только внешнее выражение другой, внутренней силы. Армия сильна, если она связана внутренней идеей. Советская власть сказала с первых дней установления нового рабоче-крестьянского строя, что, несмотря на страшные бедствия страны, несмотря на истощение и на всеобщее отвращение к войне и войне, русские рабочие и крестьяне создадут армию в короткий срок, если почувствуют и поймут, что эта армия необходима для защиты самых основных завоеваний трудового народа, если эта идея пройдет через их сознание, если каждый мыслящий рабочий и крестьянин поймет, что армия, которую строить его призывают, есть его собственная армия.

Под этим углом зрения мы тогда оценивали и Брест-литовский мир. Мы его заключали, зная, что другого выхода нет, ибо силы у нас нет. Но в то же время мы говорили: на этом опыте каждый рабочий и крестьянин убедится, что советская власть оказалась вынужденной идти на самые крайние уступки для того, чтобы завоевать хоть короткий отдых истощенному народу,—и если после того, как мы честно и открыто предложили всем народам мир, после того, как мы пошли на тягчайшие уступки,—если после всего этого на нас будут нападать, то ясно станет всем, что армия нам необходима.

Это сознание на первых порах только постепенно овладевало трудовыми массами. Из вас многие прошли уже в прошлом через наши полки первого периода и помнят, что представляли собой эти полки в начале прошлого года. Полки были тогда чем-то в роде проходных ворот. Под лозунгом добровольчества в них входили, правда, отдельные рабочие, наиболее сознательные и мужественные. Но приходили и такие, которым просто негде было пристроиться, бывшие солдаты, не находившие применения для своих сил, нередко авантюристы, искатели легкой наживы... Это не были боевые единицы, и сколько раз случалось, что такой полк, пущенный в дело, рассыпался с первого момента. Нам указывали со всех сторон на это

невоинственное настроение масс. Даже некоторые старые военные специалисты, старые генералы приходили к выводу, что русский народ вообще не воинственный народ, и что это обнаружилось снова на опыте прошлой войны. С другой стороны, указывали на практические препятствия: на отсутствии командного состава и, наконец, на отсутствии необходимого снабжения, особенно артиллерийского. И действительно, мы были урезаны со всех сторон и окружены препятствиями. Но когда рабочие и крестьяне были лицом к лицу поставлены перед опасностью полного подавления и расчленения советской России, тогда явилась и воля к созданию армии и явилась та самая воинственность относительно которой говорили, будто она не свойственна русскому народу.

В прошлом воинственность русского солдата, т.е. главным образом, русского крестьянина, была пассивной, терпеливой, всевыносящей. Его брали из деревни, заключали в полк, муштровали, полк толкали в известном направлении, и солдат шел с полком, стрелял, рубил, колот, умирал... при чем каждый в отдельности не отдавал себе отчета, во имя чего и для чего он борется. Когда же солдат стал размышлять и критиковать,—он восстал, и старая армия исчезла. Чтобы ее воссоздать, нужны были новые идейные основы: *нужно было, чтобы каждый солдат сознавал, для чего сражается.* Вот почему эта страшная угроза гибели явилась внешней предпосылкой для воссоздания нашей армии. Мы призвали лучших, самых передовых рабочих Петрограда и Москвы на все наши фронты в момент величайших наших бедствий,—летом 1918 года,—и таким наглядным путем мы заставили массы рабочих и крестьян *понять*, что тут дело идет о жизни и смерти нашей страны. После этого, приблизительно в августе 1918 года, наступил спасительный перелом, при чем этот перелом начался не в тылу (в тылу мы, товарищи, и сейчас еще очень отстаем от фронта),—перелом начался на фронте. Те части, которые формировались более или менее спокойно, в казарменной обстановке, не они оказывались наиболее дисциплинированными и боеспособными, нет, а те части, которые слагались на фронте, непосредственно в огне,—после колебаний, отступлений, иногда панических, они быстро приобретали, под политическим руководством передовых самоотверженных пролетариев, необходимый внутренний закал.

Огромное значение нравственной идеи для создания армии было известно не только всем подлинным полководцам, но и всем военным писателям. Вы и в школьных

учебниках прочтаете, что армия может быть крепкой только пока она связана какой-либо большой идеей. Но эта мысль стала шаблоном старых военных учебников, и многие из профессоров, которые охотно повторяют фразу о том, что армия сильна нравственной идеей, своим духом, нередко не отдают себе отчета в том, что представляют собой нравственная идея, дух *нынешней* нашей армии. И поэтому, когда мы армию стали строить путем мобилизации, перейдя от добровольчества к обязательному набору, причем изгнали из армии буржуазию и кулаков, некоторые из военных специалистов говорили нам, что такая армия неосуществима, ибо эта армия классовая, а нам нужна армия „общенародная“.

Мы отвечали, что для общенародной армии нужна общенародная идея, а где у нас общенародная идея, которая способна была бы объединить сейчас наши красные полки с полками Колчака и Краснова? Краснов предавал Россию сперва союзникам, затем немцам, потом опять французам и англичанам. Колчак предает американцам, Щербачев—румынам и проч., и проч. Я спрашиваю, где та общая идея, которая способна одновременно вдохновить и ген. Краснова, и наших рабочих и крестьян—солдат? Такой нравственной идеи нет. Эти два лагеря разделены непримиримой классовой враждой. У каждой из этих двух армий, у красной и у белой, есть своя идея: у одной—нравственная идея освобождения, у другой—безнравственная идея порабощения. Но объединить их в одну общенародную армию немислимо. Это мысль утопическая, ложная, химерическая.

Мы живем в эпоху, когда прочной и крепкой армией может быть только армия классовая, т. е. армия трудящихся рабочих и крестьян, не эксплуатирующих чужого труда. Полное освобождение трудящихся их собственным вооруженным усилием есть та высоко-нравственная мысль, которая заложена в самый фундамент нашей армии. Всякие попытки создать армию на другой основе обнаруживают свою внутреннюю гнилость. Гетман Скоропадский, который, к счастью, относится уже к области прошлого, нашей классовой армии противопоставил свою армию, армию украинских хлеборобов, владеющих не менее 25 десятин земли. Он мобилизовал кулачье, буржуазию. А вот учредительное собрание—блаженной памяти—на Урале, в Уфе, в Сибири пыталось построить армию не на классовом принципе,—всеобщую армию.

Мы видим, следовательно, как на химическом опыте, который производится в лаборатории, три армии: нашу, — красную,

которая побеждает; кулацкую армию Скоропадского на Украине, которая оказалась ничтожной, и армию учредительного собрания, — „внеклассовую“, „всенародную“, которая распалась: там осталась только контр-революционная армия Колчака, а учредильцы, правые эс-эры, вынуждены были покинуть своего соратника и бежать к нам, на территорию Советской России, искать здесь гостеприимства. И если мы можем его им оказать, оградить их от Колчака, то только потому, что мы строили не „всенародную“ армию, соединяя огонь с водой, а нашу рабоче-крестьянскую красную армию, которая Советской России обеспечила свободу и независимость.

В строительстве армии мы твердо стали на основу принципа классовой, чисто трудовой армии, которая проникнута идеей труда, борьбы во имя интересов труда, которая кровно связана с трудящимися массами во всей стране. Это простые факты, простые мысли, но, вместе с тем, основные, незаменимые, без которых мы нашу армию никогда бы не создали. Ибо в таких условиях, в каких мы ее строили, товарищи, в этой истощенной стране, после империалистической бойни, нужна была самая ясная, неоспоримая, святая идея, которая захватывает каждого рабочего за живое, — для того, чтобы сделать возможным самое строительство армии.

Грозная опасность обнаружилась перед нами во весь свой рост, как вы помните, поздним летом 1918 года. На западе была захвачена немцами территория не только Польши, Литвы, Латвии, но и Белоруссии, и значительная часть Восточной России находилась под пятой германского милитаризма; Псков был в немецких руках. Украина стала австро-германской колонией. На востоке произошло летом 1918 года восстание чехо-словаков. Оно было организовано французами, англичанами, но вместе с тем немцы через своих представителей открыто говорили, что если это восстание будет приближаться к Москве с востока, то немцы будут приближаться к Москве с запада, со стороны Орши и Пскова; мы оказались буквально между молотом германского и наковальной англо-французского империализма. На севере, у нас летом был захвачен англо-французами Мурманск и Архангельск с угрозой продвижения на Вологду. В Ярославле разыгралось восстание белогвардейцев, организованное Савинковым по приказу французского посла Нуланса, чтобы дать возможность союзным войскам через Вологду и Ярославль соединиться с чехо-словаками и белогвардейцами на Волге через Вятку, Нижний, Казань

Пермь. Таков был их план. На юге, на Дону, развернулось восстание, руководимое Красновым. Краснов тогда находился в непосредственном союзе с немцами и открыто этим похвалялся, от них получая денежную и военную помощь. Но англичане и французы понимали, что если они по Волге дойдут до Астрахани и свой левый фланг завернут на Сев. Кавказ и Дон и соединятся с Красновым, то Краснов с охотой перейдет в лагерь англо-французов, ибо ему все равно, кому продаться: ему нужна помощь, чтобы удержать власть помещиков у себя на Дону и восстановить ее во всей стране. Таким образом, фронт наш с самого начала угрожал превратиться в кольцо, которое должно было сжиматься все теснее и теснее вокруг Москвы, сердца Советской России.

На Западе были немцы на севере и востоке англо-французам и белогвардейцам; на юге Краснов, который одинаково готов был служить и тем и этим; на Украине — Скоропадский, ставленник германского империализма. Наше спасение в тот момент было в том факте, что Англия, Франция и Германия продолжали еще военные действия между собою, хотя и тогда уже связью между ними были наши белогвардейцы. Великая опасность была в том, что на нашей спине, т.-е. на спине раздавленной, распятой России, произойдет соглашение германского и англо-французского империализма, прежде чем поднимется европейский пролетариат. В тот период наша страна была сокращена чуть не до размеров старого московского великого княжества и продолжала сокращаться. Наибольшая непосредственная опасность грозила с востока, где чехо-словацкие корпуса создали стержень, вокруг которого лепилась контр-революция. Первые наши усилия были направлены на восток — на Волгу.

В чем же эти усилия состояли? Мы, товарищи, как я уже упоминал, обратились к лучшим рабочим Петрограда и Москвы, мы из состава инструкторских курсов взяли охотников, лучший добровольческий элемент, наиболее отважный, мы создали небольшие отряды коммунистов. Мы исходили из того, что армия есть не что иное, как вооруженный авангард самого рабочего класса, и потому мы к нему обратились и сказали ему правду о положении и потребовали от него инициативы и энергии. Под ударами наших врагов — под Симбирском, под Казанью — несмотря на то, что у нас был, пожалуй, некоторый перевес сил, мы отступали, нередко панически отступали, потому что на той стороне был перевес выучки, дрессировки, знания, перевес бешенства и ненависти лишенных собственности собственников против ра-

боче-крестьянской армии. Наконец, там был огромный перевес, состоящий в том, что мы оборонялись, а они наступали, при чем они имели возможность выбирать наиболее уязвимое место у нас. Они выбирали на советской территории место, которое сами намечали, в тот момент, который сами выбирали. У нас было теоретическое преимущество (оно только позже стало действительным, фактическим), что мы из центра действуем по внутренним операционным линиям, по радиусам. В силу своей разбросанности, наши враги действовали и действуют в разных местах не сплошным фронтом, но ударными группами. Мы же вынуждены были логикой вещей построить постепенно сплошной фронт, и теперь наш фронт имеет протяжение в 8000 верст. Не знаю, военные историки знают ли другой пример, когда бы фронт был растянут на такое необозримое пространство.

Война со стороны наших врагов могла иметь и имела партизанский характер, в том смысле, что небольшие отряды, выбрав известный объект, цель, ударили туда, чтобы нанести нам вред. Смысл партизанства состоит в том, чтобы ослабить более сильного. Партизанство, как таковое, не может дать полной победы, именно победы над организованной армией. Партизанство и не ставит себе, вообще говоря, такой цели: оно тормозит, наносит уколы, дергает, разрушает железные дороги, вносит хаос,— вот преимущество партизанства, как орудия более слабого по отношению к более сильному. Оно должно было нам вредить и нас ослаблять.

Обороняться было бы несравненно легче, если бы у нас была во всей стране милиция, т.-е. чисто территориальная, местная армия, состоящая из вооруженных и обученных на месте рабочих и крестьян, так что полк соответствовал бы волости или заводу, а уезду— дивизия или две дивизии... Тогда мы могли бы бороться везде местными силами. Милиция не означает армии более слабой, менее совершенной, как думают некоторые военные профессионалы. Милиционная армия составляется на основе обязательного военного обучения, вне-казарменным путем, на местах, так что обучающиеся и обученные не отрываются от заводов, фабрик и пашен,— это рабочие-солдаты, крестьяне-солдаты. Если бы у нас была организованная милиция, тогда уколы наших врагов, их партизанские набеги с той или иной стороны немедленно находили бы организованный и планомерный отпор в том месте, где они наносились. Это идеальная армия, к которой мы идем, к которой мы придем. Но мы не имели возможности сразу организовать ее, мы оказались вынуж-

жденными извлекать рабочих и крестьян из их бытовой родной обстановки и бросать на фронт.

Мы были вынуждены, как сказано, обратить свою армию прежде всего на Восток, — нам нужен был там успех во что бы то ни стало. Вы знаете, что это было достигнуто, — но каким путем? Таким, что у себя, внутри, мы подавили кустарничество и мелкое местничество в военном деле. Неприятель, хотя и действовал полупартизанскими набегами, но в распоряжении его имелись отряды с высоким процентом офицерства, прекрасно сколоченные, умело руководимые умелыми командирами. Для нас этот партизанский метод противника, при правильной, „научной“ постановке дела с его стороны представлял серьезную опасность. Чтобы оберечь себя от нее, чтобы использовать свое центральное положение, нам необходимо было подавить решительно кустарнические, самодельно-партизанские навыки в среде революционной армии. На этом вопросе столкнулись два течения в нашей среде, отчасти на фронтах, а в особенности в тылу. В начале некоторые наши товарищи говорили: „В нынешних условиях мы централизованной армии с центральным аппаратом управления и командования не создадим, — для этого нет ни времени, ни технических средств; поэтому нужно ограничиться небольшими, хорошо организованными отрядами по типу полка, только более, богатыми всякими техническими специальными частями“. Вот первоначальная идея многих и многих товарищей: отдельные отряды в две, три, четыре тысячи солдат, соответственно сгруппированных из разных родов оружия. Это метод борьбы более слабого, — если нет возможности справиться с врагом, стереть его с лица земли, то остается беспокоить его, вредить ему. Немцы были в период своего наступления сильнее нас, и нам оставалось бросать против них отряды, чтобы задерживать их наступление и вызывать партизанские налеты у них в тылу. Но на этом остановиться мы никак не могли. Путем планомерных действий нам необходимо было уничтожить врагов, которые отрезали нас от наиболее плодородных и богатых областей России. Многообразие наших врагов создало то, что у нас оказалась целая окружность фронтов: на востоке — чехо-словаки, на севере — союзные десанты, на западе — немецкое наступление, на юге Краснов, на Украине — Скоропадский.

Это показывало, что в центре страны нам необходимо было сосредоточить крупные силы, чтобы по радиусам перебрасывать их туда, где потребуется в данный момент. Но чтобы иметь возможность целесообразно располагаться своей военной силой в каждый момент, для этого

нужно было уничтожить раз навсегда кустарничество в виде самостоятельных отрядов. Правда, они скоро стали называть себя полками и дивизиями. Существовало, однако, только название дивизии, но дивизии не было, а были партизанские отряды, непризнававшие централизованного командования сверху, а действовавшие по инициативе собственных атаманов или вождей. На этой почве выдержали мы немало затруднений и борьбы, потому что в этой кустарно-партизанской среде было огромное недоверие к тем, кто в центре следит и хочет руководить: не подведут ли, дескать, нас, не обманут ли? Это первое. А второе то, что эти отряды в прошлом имели большие заслуги в борьбе с русской буржуазией, с контр-революцией, они проявили большой героизм, имели вождей, которые в малой партизанской войне обнаружили известные таланты и боевые качества, по крайней мере, некоторые из них. Отсюда их сомнения, преувеличенное доверие к себе и преувеличенное недоверие к команде сверху. Потребовались жестокие опыты поражений при действиях наших партизанов против немцев и на других фронтах, потребовалась идейная борьба, потребовались репрессии сверху, чтобы заставить кое-кого из новых командиров понять, что армия есть централизованный организм, что выполнение приказов сверху является необходимым залогом единства действий. Такого рода предварительная работа была необходима, дабы от отступлений перейти к наступлениям, дабы под Казанью, Симбирском и Самарой действовать одновременно. Только после этого начались успехи: мы очистили Волгу и стали продвигаться на Урал.

Здесь же я должен попутно с великой похвалой отозваться о работе наших красных летчиков на фронте. Были, правда, случаи измен и предательства, перехода в лагерь врага, но это были единичные случаи и происходили они преимущественно в первый период войны. Подавляющее же большинство летчиков работает честно и самоотверженно. Я особенно близко наблюдал их работу под Казанью, в самые тяжкие недели августа 1918 года, когда наши полки были еще слишком слабы, мало боеспособны, тогда отряды летчиков, которые были под Казанью, делали буквально все, чтобы заменить собой пехоту, и кавалерию, и артиллерию. Они при всякой погоде снимались с места, кружились над Казанью и над неприятельской флотилией, сбрасывали тяжелые бомбы, они установили связь с отрядом, действовавшим на северо-востоке от Кавани и отрезанным от нас. При самых тяжелых положениях красные летчики

показывали себя героями и сейчас, за эти месяцы; наш совершенно было разрушенный красный воздушный флот собрал свои растерзанные члены, воссоединился и теперь мы имеем воздушных красных воинов, о которых с ненавистью говорят наши враги.

На южном фронте те же явления, что и на восточном, повторяются целиком. Там против Краснова действовали многие отряды, вышедшие из Украины, и в их рядах были самоотверженные испытанные борцы. Но общеоармейской, общефронтовой связи и дисциплины не было. „Всяк молодец на свой образец“. Считая, что всякий командир, посланный сверху для установления оперативного единства чрезвычайно подозрителен, они предпочитали действовать на ощупь: напирали на них, они отступали, ошупывали, где враг силен, где слабее, там и наступали. В этой борьбе они выработали известную сноровку. Такими превосходными борцами были, например, убитые товарищи Сиверс и Киквидзе, которые выработали свои недурные приемы в борьбе с казаками, умели выследить, уклониться, отбросить, обойти, разбить. Но все это в пределах местных стычек, приносящих местный успех или местный неуспех. А борьба, ведь, длилась месяцами, требовала колоссальных жертв, но действительных перемен в положении не производила.

После прилива лучших рабочих из Москвы, Петрограда и других мест на юг массы красноармейцев и здесь поняли под их руководством, что идет борьба не на жизнь, а на смерть, сомкнулись, подтянулись. Но этого было еще недостаточно, требовалось перевоспитание командного состава, который набирался у нас из трех источников. Мобилизованы были, с одной стороны, командиры из среды старого кадрового офицерства, с другой стороны, мы имели уже указанных новых командиров отрядного характера, партизанского воспитания. Наконец, мы получили красных офицеров. В большинстве своем они оказались прекраснейшими солдатами, надежными руководителями в будущем, но на первых порах у них не хватало опыта, поэтому они могли занимать только нижние командные посты, в лучшем случае взводного, в самых редких случаях ротного командира. Было много случаев, что товарищи красные офицеры, проведя некоторое время на командном посту, обращались с просьбой, чтобы им разрешили в течение нескольких недель сражаться в качестве рядовых бойцов. Это были честнейшие работники, но без боевого опыта. Бывшие унтер-офицеры, прошедшие через инструкторские курсы, имели перед ними огромное преимущество, потому что обладали

боевым опытом. В общем и целом красные офицеры — это прекрасный материал, который за эти три месяца уже успел выделить из себя много хороших молодых командиров.

Старые кадровые офицеры, которые были мобилизованы в значительном числе, из своей среды выделили многих добросовестных работников и опытных командиров. Я не называю, по понятным причинам, чисел, но скажу, что тысячи и тысячи начальников и командиров, низших, средних и высших, вышли из этой среды, и на наших новых фронтах доблестно и самоотверженно боролись на ряду с красноармейцами. Это особенно сказалось в тех армиях, которые были лучше организованы, крепче сплочены. Там никто не спрашивал: „был ли ты в старой армии офицером или ты — красный офицер, или ты вышел из солдатской среды или из партизанов?“ Там боевое слияние произошло целиком.

Перелом в настроении лучших элементов старого офицерства произошел постепенно. Оно долго жалось, сомневалось, что такое советская власть, оно находилось под влиянием буржуазных газет, которые трубили, что советская власть предает Россию немцам. Они слышали от Милюкова, от Церетелли, от всех этих мещанских „авторитетов“ ту же клевету о советской власти и потому колебались, не зная, куда встать, куда пойти... Когда нас окружили кольцом со всех сторон враги, когда, казалось, дни советской власти были сочтены, старые офицеры перебежали в большом числе на сторону наших врагов, иногда предавали при этом наши части. Мы, разумеется, беспощадно расправлялись с теми, которых ловили. Не мало пало из них. Но когда слишком торопливые товарищи говорили: „откажитесь от привлеченного офицерства в красную армию“, мы отвечали: „нет, это ложная мысль, нам знающие работники необходимы, армия не может начать с первой буквы азбуки, когда у нас кругом враги со всех сторон“. Не может быть, чтобы среди десятков тысяч старого кадрового офицерства мы не нашли несколько тысяч честных солдат, которые чувствовали бы себя связанными с рабочими и крестьянскими массами трудовой России, и не были бы способны продавать свою страну немецким, французским или английским империалистам. Измены отдельные, хотя и многочисленные, отнюдь не заставляли нас изменить в этом отношении нашу политику. И сейчас с полной уверенностью можно сказать, что эта политика привлечения наиболее честных и свежих элементов старого офицерства для постройки нашей армии и для оперативного руководства ею оправдала себя целиком.

Наконец, и из среды самоучек, партизанов выработались хорошие, дисциплинированные и твердые командиры. У нас есть армии, где командует бывший унтер-офицер, начальник штаба—бывший генерал генерального штаба. А в другой армии командует бывший генерал, а помощник его из самоучек. У нас есть всякие комбинации, никаких шаблонов не допускали мы, везде старались поднимать наверх энергичных, способных, честных работников. Командирам неопытным или нетвердым в политическом отношении огромную помощь оказывают комиссары. Так же обстоит дело и с дивизиями. Во главе одной дивизии стоит бывший солдат, даже не бывший унтер-офицер, а рядом командует бывший полковник генерального штаба, и между ними превосходные отношения и взаимное уважение, потому что совместно проливаемая кровь есть самая тесная спайка, которая только может быть.

Это не сразу удалось. В течение двух-трех месяцев самой напряженной работы мы налаживали порядок на южном фронте против красновских войск, где враг был особенно упорен и крепок. Мы были достаточно сильны численно, но не были централизованы. Красновские войска, хорошо руководимые, действовали отдельными налетами, энергичными и болезненными для нас уколами, и они достигли того, что мы опасались за судьбу Воронежа, после того, как они уже взяли Новохоперск, Борисоглебск и даже обстреливали Царицын, богатый всякими военными запасами. В самые лучшие для них моменты борьбы у них армия не доходила до 100,000 бойцов, считая и все резервы. Но у них было огромное преимущество инициативы и внезапности, этих важнейших условий военного успеха. Они не держали фронта. Нанеся укол в сторону Воронежа и внеся расстройство в наши ряды, они оставляли тут тончайшую кружевную завесу и перебрасывали главные силы под Балашов или Царицын. Наши же войска оставались, в общем пассивными, потому что не было у нас, в сущности организованной единицы, которая по праву называлась бы Воронежской или Царицынской армией. Тем более у нас не было единства фронта. В достижении этого главная работа и заключалась. Потребовалась энергичная организационная и агитационная работа для противодействия тайным провокаторам и прохвостам, которые стремились затесаться в армию, чтобы подорвать изнутри ее дух, разложить ее, сделать ее бессильной, а с другой стороны, для противодействия навыкам партизанства; стремлению работать только по своей собственной воле, не желая считаться

с общей оперативной потребностью данной армии или всего фронта. В обоих направлениях оказался полный успех. На самой работе честные и способные командиры подымались наверх, а прохвосты, пришедшие для предательства, уличенные, были расстреляны. Среди партизанов лучшие элементы убедились, что на партизанстве далеко не уедешь. Кто не хотел понять требований оперативного единства, тех мы сурово устраняли. В результате такой работы произошел перелом настроения на всем фронте. Куда ни приедешь, — в Воронеж ли, в Балашов или в Царицын, везде стало ощущаться единство командования против общего врага, единство оперативного замысла и единство его исполнения. „Вот теперь почувствовался, наконец, фронт“, с радостью заговорили все, и большие и малые командиры, когда три армии южного фронта, спаянные втугри, стали работать согласованно.

После этого мы на южном фронте, как и на восточном, перешли от отступления к наступлению, все более и более победоносно. Февраль был решающим. Сейчас мы можем сказать, что красновская армия более почти не существует.

Она в основном своем ядре разбита совершенно и панически отступает. Вы знаете, что сам Краснов подал в отставку и выехал из Новочеркасска в Новороссийск, основательно опасаясь мести со стороны своих бывших подданных: не только вся ж. д. от Новохоперска до Царицына в наших руках, и Царицын снова соединен со всей Советской Россией железнодорожной линией, но и ж. д. из Царицына на Динху, важнейшая линия, которая оставалась еще в руках у красновцев, нами занята почти вся, при чем мы захватили множество пленных и огромную военную добычу. И дальше работа сводится к тому, чтобы энергично подчищать то, что еще осталось от красновской армии. Сложнее дело обстоит в Донском бассейне, где действуют отчасти более крепкие остатки красновцев, а главным образом части добровольческой армии Деникина, перебросенные сюда с северного Кавказа. Они пытаются отстоять Донецкий бассейн и вместе с тем Ростов и Новочеркасск, не потеряв еще последнего остатка надежды на помощь со стороны союзников. Но и здесь не может быть сомнения в том, что после ликвидации буржуазной власти на Украине и после ликвидации красновского фронта, драгоценный Донецкий оазис не удержится и там будут хозяевами донецкие рабочие и крестьяне.

В дополнение к тому, что я вам сказал о южном фронте, необходимо сказать несколько слов о фронте кавказско-каспийском. Здесь нас за последние два месяца постигли

Выбрана
 Машинистка В. М. Давыдова

12808
 1888864

крупнейшие неудачи, которые могли казаться совершенно неожиданными, так как незадолго перед тем мы овладели на северном Кавказе большой территорией и важнейшими пунктами. Но неудача свалилась на нас, в сущности, вполне закономерно и явилась результатом кризиса и развала партизанщины. На северном Кавказе у нас числилась весьма значительная армия, составившаяся все из тех же украинских беженцев, а также донских, терских и иных частей. Среди них немало было честнейших и преданнейших революционеров, но немало также авантюристов, а еще более случайных людей, выбитых контр-революцией из колеи и севших на солдатский котел. Навыки партизанства, непривычка к правильной, оформленной организации и к правильным формальным отношениям, засели там крепче всего в виду удаленности от центра. Еще осенью прошлого года я дал формальное предписание делегации северо-кавказских войск оставить в составе армии не больше 1/8 наличного числа, привести их в надлежащий вид, а остальных расформировать, либо направить к нам на север: „когда вас станет втрое меньше, вы будете втрое сильнее“ — убеждал я делегацию. Но, к несчастью, дело здесь закончилось только убеждениями, вследствие крайней удаленности фронта и полного отсутствия с ним правильной связи. Инерция партизанщины оказалась сильнее. Войска сохранили свой огромный численный состав и имели без — серьезных боев — весьма крупные успехи. Им посылались из Астрахани инструкторы, серьезные, надежные военные специалисты, но их возвращали обратно в Астрахань, указывая на то, что в них нужды нет. Нет более опасного врага для красной армии, как самоуверенность невежественного партизанства, которое не хочет учиться, не хочет идти вперед. И вот результат на-лицо: разбухшая армия, скорее орда, чем армия, столкнулась с правильно-организованными денкинскими войсками и в течение нескольких недель рассыпалась в прах. За иллюзию партизанства мы заплатили здесь снова дорогой ценой. Но этот урок даром не пройдет. На северном Кавказе производится теперь напряженная работа, которая скажется, надеюсь, в самом скором времени. То, что нами утеряно там, будет возвращено с лихвой.

На северном фронте, товарищи, после утраты нами мурманского и архангельского районов, мы держались сравнительно пассивно. Правда, за последние недели там мы имели хороший успех, захватив Шенкурск. Его взятие явилось хотя небольшой, но славной страницей в истории нашей борьбы. В труднейших условиях, где неприятель, по соб-

ственным словам, считал невозможным провести хотя бы полевую кухню, наши солдаты в белых балахонах, в морозную ночь протаскили на полозьях шестидюймовое орудие, зашли глубоко в тыл неприятеля и заставили его бежать из Шенкурска, при чем захватили пленных, большое имущество и отогнали врага на 80—90 верст к северу. Все же— это лишь частичный успех, в общем же на нашем северном фронте мы держимся пассивно-оборонительно.

Имея фронт в 8000 верст, мы вынуждены были бы, чтобы вести активную стратегию, везде и всюду иметь многочисленную армию. Но этого мы не имеем. Стало быть, одна часть этого восьми-тысячного фронта остается временно пассивными и активность сосредоточивается на других, более важных в данный момент участках. В этом и состоит преимущество нашего центрального положения по отношению ко всем фронтам; постоянная возможность переброски и сосредоточения. Но это преимущество сложилось и реализовалось только после того, как был создан Революционный Военный Совет Республики с единым главнокомандующим на всех фронтах, было установлено единство командования фронтами, единство командования армиями данного фронта. Только после установления общего оперативного руководства и строгого исполнения боевых приказов, идущего сверху вниз, все почувствовали на деле, каждый солдат почувствовал на месте огромное преимущество централизованной армии над партизанством и над кустарничеством. Мы получили возможность, вместе с тем, учитывать и выбирать, где нужно развернуть наиболее активную борьбу в данный момент. После наших успехов на Волге главные наши усилия перешли, как я сказал, на линию донского фронта. Вот почему мы на севере держались пассивно, тем более, что именно за эти последние два месяца открылись два новых фронта, которые хотя мы и предвидели, но нового превращения их в активные участки предвидеть не могли; это украинский фронт и западный фронт.

На Украине военный вопрос был снова поставлен величайшим политическим событием, — революцией в Германии, вызвавшей восстание на Украине. Здесь особенно ярко обнаружилась прямая и непосредственная связь наших военных операций с их естественной почвой, рабоче-крестьянской революцией. Мы ведем войну. Но это не есть война, как другие войны, где земли переходят из рук в руки, но режим остается тот же; наша война, это— организованная, обороняющаяся или наступающая революция рабочих, революция, которая обороняет или расширяет свои завоевания.

Если кое-кто склонен об этом забывать, то события на Украине снова громогласно напомнили об этом. Там наш фронт сразу ожил и вдавился на юг, правда, в первое время почти без регулярных частей. Там была неотложная задача: сбросить местную, еще не организованную буржуазию, не дать ей организовать после того, как немецкая армия, поддерживавшая украинскую буржуазию, подверглась сперва разложению, затем революционному перевоспитанию и уходила к себе, на запад, в Германию. В этот момент партизанские отряды сыграли на Украине огромную и вполне плодотворную роль. Разумеется, и там уже с самого начала появились более регулярные части советских войск, и партизаны там, чем дальше, тем больше, действовали, как спутник около планеты. Они стали группироваться вокруг регулярных частей, которые явились туда по призыву украинских рабочих и крестьян, и сейчас же украинскому командованию была поставлена задача связать партизанские отряды в штатные единицы, в регулярные дивизии. И на Украине эта работа производится с большим успехом, ибо тамошние работники имеют перед собой преимущество нашего годового опыта, они многому учились на наших ошибках и завоеваниях. Но, так или иначе, украинский фронт отвлеч сравнительно крупные силы, разумеется, преимущественно украинские.

В тех же условиях возник у нас и западный фронт. На западе боевые операции были сравнительно немногочисленны и некровопролитны. Там большую роль играло наше соглашение с немецкими солдатами, революционно противопоставленными немецким командирам, и прямое братание с германскими солдатами-коммунистами. Однако все это дополнялось боевыми столкновениями там, где германские белогвардейцы или местные буржуазные элементы противопоставляли нам вооруженную силу. В результате этих согласованных военных и политических действий мы очистили на западе огромную территорию. Но задача там еще далеко не доведена до конца. Буржуазия западной полосы опомнилась от первого впечатления, вышла из состояния столбняка и при помощи западной Европы, Англии и Франции, отчасти Германии, успела сколотить кое-какие части, угрожая, с одной стороны, на Ямбург, с другой стороны на Псков и пытаясь создать угрозу Риге. В Эстляндии борются против советской эстляндской армии не только эстляндские белогвардейцы, там борется и финская буржуазия и даже небольшие отряды шведов, наряду с немецкими и русскими белогвардейцами,—словом, там полный интернационал, ин-

тернационал белой гвардии примыкающих к Балтийскому морю стран, при поддержке английского флота.

Если бы мы дали этому фронту окрепнуть, то, конечно, оттуда могла бы вырости значительная опасность, и несколько недель тому назад могло казаться, что эта опасность на лицо. Последние недели я провел именно на этой части фронта и там на моих глазах повторялась та же картина, которая в разное время наблюдалась на других фронтах. Мы не могли снять закаленных частей с других фронтов, ослабив их этим, и бросить их на Эстляндию; поэтому туда шли наиболее молодые, на спех сколоченные из только что мобилизованных крестьян части, не только не имевшие боевого опыта, но и не подвергнувшиеся еще политической обработке, и они рассыпались в первое время при первом серьезном толчке со стороны неприятеля; как всегда случается в таких условиях, там были прямые измены и предательства, например: в той дивизии, которая сражалась на Нарвском направлении, командир полка увел часть полка и сдал в плен; естественно, если другая половина в панике разбежалась. Словом, там имелась полтора—два месяца тому назад такая обстановка, которая на других фронтах наблюдалась пол года тому назад. Я вам говорю обо всем этом с такой откровенностью, товарищи, потому что вы должны ясно знать все стороны строительства и жизни армии, в том числе и все теневые стороны. Неудачи ни в коем случае не должны побуждать нас опускать руки. В революционную эпоху революционная армия есть, по самому существу, нервная армия, которая живет порывами; случаи кризиса, паники встречаются в ней чаще, чем в нормальное время... Но зато если эту молодую, нервную армию сплотить, дать ей идею, дать ей необходимый закал, дать ей возможность одержать первую победу, то ее нервность переходит в огромную силу наступления, она стремится вперед и становится непобедимой. Вот почему шатания, колебания и даже панические отступления молодых частей отнюдь не вселяют пессимизма в наши души. Достаточно было 2—3 недели энергичной работы командиров и комиссаров на Нарвском и Псковском участках эстляндского фронта, чтобы фронт переродился, и те солдаты, которые просто в силу полной непригодности, отсутствия самого элементарного опыта разбежались панически, сейчас сами собираются и не только заполнили части, но и внутренние их переродили. Приезжая дважды в одну и ту же часть на протяжении 10 дней, я не узнавал этой части. В этом и состоит огромная

сила революционной идеи и революционных методов строительства.

Нигде, ни в какой стране, ни в какой армии командир полка не может сказать каждому солдату: „ты обязан умирать, если потребуется, потому что ты сражаешься за интересы твоей семьи, твоих детей, за будущих твоих внуков; это есть война угнетенных и трудящихся за их освобождение“. Эти простые слова, с которыми обращаются к сознанию, к сердцу каждого солдата, творят в подлинном смысле слова чудеса.

В каждом полку, в каждой роте имеются элементы разного качества; наиболее сознательные, наиболее самоотверженные, конечно, составляют меньшинство; на другом полюсе есть ничтожное меньшинство противоположных элементов, темных, разращенных, шкурнических, отчасти кулаческих, контр-революционных. Между этими двумя меньшинствами, стоящими на противоположных полюсах, имеются просто недостаточно сознательные, неуверенные, колеблющиеся, которые по своему сознанию, по настроению — честные, хорошие трудовые граждане советской страны, но нуждаются в выучке, военной и политической. И когда мне командир какого-нибудь полка или комиссар говорит: „я за свой полк не отвечаю, там шкурники, когда им выступать надо, они говорят: нам того не дали, другого не дали,—это плохой полк“, то я отвечаю с полной уверенностью: „если полк плох, стало быть командир полка плох и комиссар плох, ибо люди те же самые, что и в других полках, это те же, в массе своей честные, рабочие и крестьяне“. Если они видят над собою нетвердое руководство, если закрадывается сомнение в правильности ведения полка командиром, если нет нравственного уважения к комиссару полка, то разумеется получается развал: шкурники берут верх, лучшие элементы стоят обескураженные в сторонке, а средние элементы не знают, с кем идти, и в час опасности поддаются панике. Там, где состав командиров хорош, особенно низший командный состав, где этот состав честный, твердый, где командир и комиссар полка хороши, там любой полк окажется на высоте. Дайте мне самый плохой полк, дайте три тысячи дезертиров, захватив их, где угодно, и назовите это полком. Я им дам хорошего, честного командира полка, хорошего боевого комиссара, дайте подходящих батальонных, ротных и взводных,—и я говорю, что три тысячи дезертиров в течение четырех недель дадут у нас, в революционной стране, превосходный полк. И это не надежда, не программа, не идея, а все это проверено опытом и в послед-

ние недели мы снова проверили это на опыте нарвского и псковского участков фронта, где теперь стоят части, сколоченные единством.

Есть еще возможный фронт, о котором я еще не говорил, это фронт корельский или финляндский. Там у нас боевых действий нет. Финляндия с нами непосредственно не в войне, хотя косвенно воюет, посылая свои полки на территорию Эстляндии, откуда они наступают на Ямбург вместе с белогвардейцами, эстонскими и русскими. Но на Корельском перешейке фронта в подлинном смысле нет. Однако, в последние недели в Финляндии велась бешеная, в подлинном смысле этого слова, агитация в пользу наступления на Петроград. Они считают, что там мы теперь наиболее уязвимы, так как утратили Балтийское море и поэтому доступ к Петрограду теперь менее защищен. Рабочий класс Финляндии был, когда он стоял у власти в прошлом году, лучшим щитом для Петрограда. Но теперь там господствует временно буржуазия, и ее вождь Маннергейм, из бывших русских генералов, вел в последние месяцы и недели агитацию в пользу наступления на Петроград, а финская и шведская буржуазная печать утверждала, что Петроград можно взять путем сухого короткого удара, путем налета, — для этого достаточно бросить туда, скажем, одну-две дивизии. Мало того, ген. Маннергейм назначил маневры своих полков вблизи нашей границы, у Тервик, и об этом открыто писала в тоне вызова финляндская буржуазная печать. В Петрограде по этому поводу, разумеется, большого волнения не было, ибо смешно и нелепо говорить о том, что финляндская буржуазия, которая едва-едва справилась (при помощи гогенцоллернских штыков) с революцией рабочего класса Финляндии, буржуазия страны, в которой всего населения не более двух с половиной миллионов душ, сможет состязаться с революционной Советской Россией; тем не менее в Петрограде поднялось глубочайшее возмущение среди рабочих по поводу того, что финские белогвардейцы, на шпагах которых еще не обсохла кровь финляндских рабочих, осмеливаются угрожать рабочему классу Петрограда, нашей красной революционной столице.

В ответ на маневры Маннергейма мы назначили наши собственные маневры на нашей финляндской границе. Мы призвали всех на защиту Петрограда. Больше всех и горячее всех откликнулись на этот клич товарищи курсанты петроградских военных курсов. По их единодушному требованию нормальные занятия на курсах были прекращены и

все курсанты были временно сведены в один маневренный отряд превосходного качества. Этому отряду мы делали смотр на бывшей Дворцовой площади, ныне имени Урицкого, и в этом смотре принимал участие офицер французской армии капитан Садуль, который порвал со своим правительством, с французской военной миссией, чтобы защищать советскую власть, и ныне работает в нашей военной инспекции. И капитан Садуль, стоявший со мной рядом, глядя на наших молодых будущих красных офицеров и их превосходный в военном смысле вид, на воодушевление, написанное на их лицах, на одухотворенную стройность их рядов, с восторгом говорил, что это одна из наиболее возвышающих картин, какие он видел в своей жизни, и прибавил: „как я жалею, что здесь нет французской военной миссии с генералом Ниселем во главе,—если бы они увидели ваших будущих красных офицеров, сведенных в этот боевой отряд, они сказали бы своему правительству: остерегайтесь наступать на Россию, Россия не беззащитна, у нее есть свои красные солдаты и офицеры!“ И этим курсантам, петроградским молодым товарищам я обещал, что если действительно Петрограду будет угрожать опасность с олонекского, с корельского, с ямбургского фронтов, то на них будет возложена задача—быть первыми при обороне красного Петрограда, и они отнеслись к этому обещанию, как подобает относиться честным солдатам революции, они эту задачу приняли с восторгом, и, в частности, прекрасно выполнили маневры, в которых приняли участие.

Но что же оказалось? Оказалось, что грозное предприятие Маннергейма закончилось великим крахом. Он двинул несколько эшелонов к нашей границе, по белогвардейские финские полки под Териоками устроили—о ужас!—митинг, на котором заявили: „ты нас ведешь не на маневры, а на войну с красной армией,—мы обороняться согласны, но наступать на Петроград не хотим.“ И Маннергейм вынужден был повернуть эшелоны назад. В маневрах у него участвовало ни больше, ни меньше, как... две роты. Так что этот опыт закончился жалким крушением. На другой, на третий день появились в газетах интервью с ген. Маннергеймом, где он говорит, что по международным и всяким другим соображениям наступление на Петроград... откладывается до весны. Так что мы на этом фронте можем более или менее спокойно дожидаться до весны. Что касается грозного воеводы Маннергейма, то приходится по его поводу вспомнить выразительную фразу знаменитого нашего сатирика Салтыкова-Щедрина, который говорит, что вот

де: „наобещал больших кровопролитиев, а на самом деле чижика с'ел“. Так и ген. Маннергейм: обещал взять коротким ударом Петроград, а на самом деле нашел две роты для маневров под Териоками.

Если бы, однако, положение финской буржуазии или давление на нее англо-французского капитала заставило ее перейти в наступление на Петроград, конечно, появился бы новый фронт. Нет сомнения в том, что тут мы не ограничились бы обороной, но, с своей стороны, нанесли бы короткий и сухой удар на Гельсингфорс, ибо финский рабочий класс ждет помощи со стороны красных петроградских войск. На петроградских инструкторских курсах после приказа Маннергейма о наступлении курсанты финны (у них свое военное училище) потребовали бросить их на фронт против палача. У нас и кроме курсантов есть превосходные части, состоящие сплошь из финских рабочих. Что еще более поучительно, это тот факт, что среди 17,000 принудительно мобилизованных Маннергеймом (наряду с буржуазной гвардией), по словам самой буржуазной финской печати, насчитывается 90% красных. Правда, наши финские товарищи говорят, что это преувеличение, что не 90%, а только 70% красных. Но и этого за глаза довольно. Недаром Маннергейм не вооружает мобилизованных. Наступление красных войск на Гельсингфорс будет с энтузиазмом поддержано всем финским рабочим классом. Мы заявили в Петрограде, что не стремимся создавать нового фронта финляндско-петроградского, но если этот фронт будет создан по инициативе наших врагов, то мы примем меры к тому, чтобы Петроград был со стороны Финляндии раз и навсегда обеспечен, а для этого есть один путь—установление в Финляндии власти рабочих и сельской бедноты.

Резюмируя положение на наших фронтах, можно сказать, что положение это является вполне благоприятным. Работа, выполненная красной армией, колоссальна. В августе 1918 года наше военное положение было наиболее тяжело—это был момент падения Казани. После того, в течение семи месяцев красная армия очистила огромную территорию, около 130 уездов, в 28 губерниях, с общей поверхностью свыше 850 тысяч квадратных верст, с населением почти в 40 миллионов человек. По пространству это Италия, Бельгия и Греция вместе взятые, а по населению это Франция. По справке Всероссийского Главного Штаба, на которую я опираюсь, число всех городов в занятых областях—166, а общее количество не городских населенных пунктов 164 тысячи с лишним. Из более значительных городов я назову

вам: на западном фронте — Псков, Рига, Вильно, Минск, Гомель, Чернигов и проч.; на южном фронте — Киев, Полтава, Харьков, Екатеринослав, Александровск, Купянск, Бахмут, Луганск, и др.; на восточном фронте — Казань, Симбирск, Сызрань, Самара, Уфа, Оренбург, Уральск и другие. В экономическом отношении огромное значение имеют район Луганск, Бахмут, Славянск, Никитовка с залежами там каменной соли, каменного угля, ртуты и гипса, район Уфа — Оренбург, а также губернии Вятская, Казанская, Самарская, Оренбургская, с залежами медной руды, район Самарской Луки с залежами асфальта. В занятой части Екатеринославской губернии расположены важнейшие металлообрабатывающие заводы. Наконец, линия фронта подошла к Кривому-Рогу, богатому залежами железной руды. На восточном фронте занят ряд заводов, имеющих большое военное значение, как Ижевский, Воткинский заводы самарского района, а на южном фронте Луганский патронный завод. Наконец, взятие Оренбурга открывает ворота на Туркестан, откуда мы сможем получать необходимый для нашей текстильной промышленности хлопок. Весь восток и юг представляют собою богатые хлебородные области. Такова территория, которая была пройдена и отвоевана рабочей красной армией для рабочей России.

Товарищи! Из всего этого нельзя делать вывода, будто задача наша закончена. Далеко нет! Сейчас советская власть предлагает все усилия к тому, чтобы добиться возможно скорого мира, хотя бы ценою тяжелых уступок, ибо ничто не может быть тяжелее для истрадавшего, изголодавшегося народа, чем эта навязанная нам ужасающая война. Год назад мы шли на брест-литовский мир, чтобы отвоевать передышку для нашего народа, для нашей страны. Передышка была слишком коротка, ибо сейчас же нашлись враги с другой стороны. Не так давно народный комиссар по иностранным делам снова повторил в официальной, точной форме заявление советского правительства по адресу тех правительств, которые воюют с нами. Смысл заявления таков: „вы воюете против русских рабочих и крестьян — во имя чего? Хотите процентов на ваши капиталы? Концессий, территорий? Чего вы хотите? Скажите, и мы деловым образом будем говорить о том, что мы можем, что мы вынуждены будем вам уступить, чтобы для русского народа обезбечить возможность мирного труда“.

Разумеется, мы с вами хорошо знаем, что все, что теперь уступим, вернется к нам, потому что Советская Россия только временно уступает империалистам. Временно.. по

брест-литовскому миру мы уступили огромнейшую западную полосу и всю Украину германскому и австро-венгерскому империализму. Тогда буржуазия, которая сама шла везде, где могла, рука об руку с германским империализмом, обвиняла нас в измене, в предательстве по отношению к стране. Мы отвечали: „армии нет, мы вынуждены уступить. Но то, что даем, к нам возвратится“. И если германские полки входили к нам, как угнетатели и пороботители, под желтым знаменем империализма, то возвращались они обратно, как революционные полки, под красным знаменем коммунизма. То же самое произойдет, в конце-концов, в результате нашей уступки по отношению к империалистам Франции, Англии и Америки. Мы говорим Вильсону, Ллойд-Джоржу, Клемансо: „все, что вы возьмете у нас, английские, французские и американские рабочие через месяц—два, через полгода, через год, вернут нам назад, когда учредят у себя советскую власть“.

Меня спрашивают, в связи с этим, как обстоит дело с Принцевыми островами? Принцевы острова это, как вы знаете, острова на Мраморном море, куда нас собирались пригласить англо-французские и американские империалисты для переговоров относительно судеб России. Они решили, конечно, пригласить не только советскую власть, но и все остальные так называемые правительства, белые и черные, которые еще не успели пасть, потому что их поддерживает рука иностранного империализма. Краснов ответил, что на совещание с большевиками он не пойдет. Он ответил это весьма гордо несколько недель назад, а теперь ему пришлось самому, как изгнаннику, покидать свой Дон и искать приюта в Новороссийске. Учредилловцы прежде боролись против нас, а теперь приехали к нам искать приюта и защиты на нашей территории. Колчака ждет та же судьба, что и Краснова. Мы же заявили, что согласны идти на Принцевы острова и перед лицом всего мира мы скажем там, чем мы держимся; мы никогда не имели поддержки иностранных буржуазных правительств и не искали ее, наоборот, категорически отвергали ее. Все наши враги—и Краснов, и Скоропадский, и Дутев, и Деникин, и Петлюра все они держатся исключительно поддержкой иностранной буржуазии. Мы же стояли и стоим на собственных ногах. И мы готовы это сказать и доказать везде и всюду: и в Москве, и там у них, на Принцевых островах. Но они сами, повидимому, раздумали или колеблются нас призвать туда,—может быть потому, что брест-литовские переговоры, как они знают, сослужили большую службу

делу германской революции. По поводу их решения мы не нервничаем. Если они решат созвать конференцию на Принцевых островах, мы пойдем туда и будем продолжать там ту работу, которую вели в Брест-Литовске. Если они раздумают и откажутся от конференции, мы подождем. С каждым днем число этих маргаритовых белых правительств в России становится меньше, ибо советская власть соскребает их с лица земли. Что же касается Принцевых островов, то они нас сами по себе не привлекают уже по одному тому, что носят имя принца. Может быть тем временем, пока эти господа размышляют, мы найдем наши, советские острова, куда свезем империалистов со всех стран, — но уже не для переговоров.

Но сейчас, сегодня, во Франции, Англии, и Америке, советской власти еще нет, и мы открыто объявляем о нашей готовности дать отступного хищникам и палачам, которые занесли нож над горлом советской России. Значит, наша война, товарищи, является в полном смысле слова войной революционной обороны: на нас наступают, мы обороняемся. Даже по отношению к маленькой Финляндии с ее великими преступлениями мы не предпринимаем наступательных шагов, терпим, зная, что время работает за нас. Политика мира есть политика советской власти. Но политика мира не есть политика капитуляции, политика сдачи завоеваний революции ее смертельным врагам. Нет, политика мира предполагает готовность до последнего издыхания оберегать завоевания революции, раз враги идут на них. Надо противодействовать духу бесчестной агитации, которая ведется в нашей стране, в наших полках некоторыми партийными группами, как меньшевики, правые и левые с.-р., которые пишут в газетах, что так как страна бедна, истощена, то нужно „прекратить гражданскую войну“. „Не нужно красной армии“, говорят эсеры. Еще раз вспомним, с кем мы ведем войну: на юге — с Красновым, на востоке — с Колчаком, на Западе — с эстонско-финскими белогвардейцами. Все они на нас наступают и хотят нас задушить. Прекратить гражданскую войну, разоружиться — это, значит, стать беззащитными перед лицом палачей. Мы имеем полное право сказать г.г. меньшевикам: „вы за прекращение гражданской войны? Так извольте отправиться к Колчаку и Краснову и скажите им, чтобы они прекратили гражданскую войну“.

Наша гражданская война есть революционная самооборона. Мы обращались ко всем врагам, заявляли им о нашей готовности купить мир ценой величайших уступок и жертв. Но враги не хотели идти ни на какие соглашения

потому что считали советскую власть смертельно опасной для себя, а себя почитали достаточно сильными, чтобы справиться с нами. Поэтому то они и не хотели идти ни на какие соглашения.

В последнее время, однако, в их стане слышались новые ноты. Ллойд-Джордж заявил недавно, что наступать на нас опасно, ибо в результате наступления вокруг советской власти сплываються крестьянские миллионы, которые будут оберегать свою страну всеми силами. Американский президент Вильсон, как сообщают газеты, считает ныне, что наступление господ „союзников“ на Архангельск было ошибкой. После взятия нами Шенкурска последовала деморализация английских и американских солдат, которые покидают позиции, уходя в Архангельск. В Мурманске было открытое возмущение. На Одесском фронте, по имеющимся сведениям, французские полки требуют увода на родину, а черные колониальные войска не выдерживают климата и уже увезены из Одессы к себе. Вильсон и Ллойд-Джордж начинают понимать, что совершили ошибку. Кроме того, у этих господ развивается внутренняя борьба. Сегодня сообщена японская программа мира: она требует не передачи восточной Сибири в руки Японии, но настаивает на том, чтобы в Сибири ни одна страна не имела преимуществ или особых концессий. Таким образом по отношению к советской России эти господа вынуждены урезать свои насильнические вождедения. Почему? Потому что мы стали сильнее, чем были, а они слабее. Мы создали в труднейших условиях крепкую армию, а их армия распадается всюду и везде. Распадается также и их ты.

Таким образом, наше международное положение становится лучше во всех отношениях. Но этот вывод не должен давать повод для фальшивого спокойствия, для беззаботного опускания рук; нет, мы не имеем никакого права почить на лаврах. Мировая бойня еще далеко не ликвидирована, она может снова вспыхнуть страшным огнем: на востоке—со стороны Японии, на севере—со стороны Англии и Америки, на юге, на западе—со стороны Франции, Румынии, Польши. Еще могут быть сделаны попытки нанести нам смертельный удар оттуда или отсюда, на Петроград или на Москву.

Буржуазия издыхает. Но судороги издыхающего организма бывают очень сильны. Укус издыхающей мухи очень болезнен. Буржуазия еще опасна. Нужно опасаться возможного последнего ее удара. Нам нужно быть крепкими. Нам нужны хорошие полки. Нам нужен хороший боевой, молодой командный состав. Это вы, товарищи. Сейчас мы не имеем

уже нужды преждевременно отрывать вас от школьной скамьи и бросать на фронт до окончания курса. Мы настолько сильны, что под защитой нашего фронта вы можете спокойно продолжать ваше военное обучение. Но что требуется от вас, это—добросовестное до последней степени отношение к делу. Армия наша—рабоче-крестьянская, но это не значит простая, лыком шитая, нет, она не отказывается от военной науки и от военной техники. Наоборот, наша пролетарская, мужицкая армия должна быть вооруженной и обученной по последнему слову военной науки. Каждый из вас, пройдя здесь краткий курс и получив затем известный боевой опыт на фронте, должен рваться снова и снова к военной науке, в военную академию или школу колonoвoжатых, которые мы открываем. Военное дело нам навязано судьбой. Раз мы должны быть солдатами революции, то долг чести повелевает нам быть знающими, всесторонне образованными солдатами. Будем работать! Будем учиться!

В наших красных полках вы встретите теперь более высокие требования к вам. У нас уже есть командиры, у солдат есть опыт. Поэтому к новому командному составу предъявляются более высокие требования. Вам нужно быть на уровне тех требований, которые предъявляют солдаты, судьба коих вам, как командирам, будет вручена. Необходимо добросовестное и честное отношение к тому делу, которому вы призваны служить.

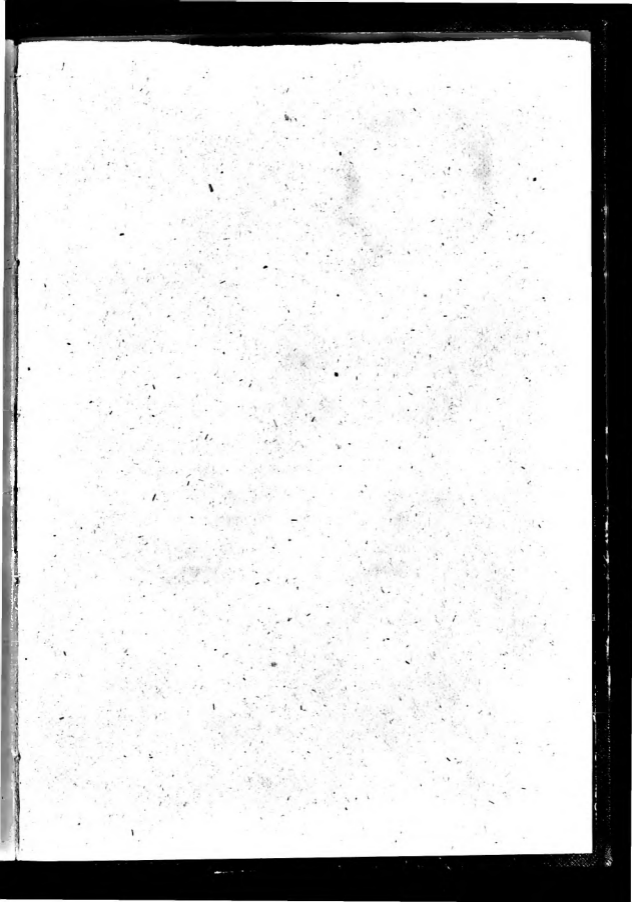
Весьма возможно, что пройдет еще значительный период, в течение которого мы не сможем воткнуть штык в землю. Европа представляет собою картину суровой борьбы классов и народов. Пройдут месяцы или годы, и вся Европа освободится от старого гнета и старой эксплуатации. Установится во всей Европе рабоче-крестьянская федеративная республика, и мы будем частью этой республики. Тогда нам не будет угрожать опасность на нашей границе. Куда мы ни оглянемся—всюду будут друзья и братья.

Сегодня этого еще нет. Враги не разоружаются. Брата и друга среди правящих классов Европы и всего мира у нас нет. И мы еще должны крепко держать винтовку в руках, и каждый должен относиться к своим обязанностям как честный и доблестный солдат революции. Особенно вы, как будущие красные командиры, на которых с верой и упованием взирает рабочий класс, и не только нашей страны, но и всего мира. Ибо буржуазная печать всего мира доказывала в первое время, что мы армии не создадим именно потому, что у нас не будет командного состава. А теперь буржуазная печать Европы и Америки

признала, что мы создаем первоклассный командный состав из сознательных рабочих, честных крестьян и лучших солдат. Это вы, товарищи! Верю, что с поставленной вам задачей вы справитесь. Пусть только каждый из вас не забывает никогда, что в основе нашей армии лежит высокая святая идея: честно служить с оружием в руках интересам угнетенных трудящихся масс. Помните твердо: то, что было надеждой угнетенных народов, задушевной мечтой трудящихся, их религиозной фантазией, их песней,—надежда на спасение, на освобождение, которого никогда не переставали ждать трудовые, угнетенные люди всех стран, это теперь начинает осуществляться. Мы к этому новому царству свободы начинаем приближаться. На это осуществление святейших, заветнейших идеалов трудового народа покушаются наши враги. Вы—передовой отряд, призванный охранять революционное завоевание русского народа. В грозный час, когда рабоче-крестьянская власть обратится к вам, товарищи курсанты, к вам, красные командиры, со словами: „Социалистической Республике грозит опасность“,—вы ответите: „мы здесь“—и будете героически бороться и умирать, сражаясь против врагов трудового народа.

Москва, 24 февраля 1919 г.

Brooklyn
Manufactured in the U.S.A.

Лр. 50к

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКИЙ МИР»
МОСКВА
М. ЗНАМЕНСКИЙ В
ТЕЛЕФОН 52-821**

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

ЦЕНТРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО В Ц. И. И.
«ЦЕНТРОПЕЧАТЬ», ТВЕРСКАЯ, Ж.

Цена 3 р. 50 к.

